

ДУХОВНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ВОПРОСЫ СОЮЗНИЧЕСТВА В ГИБРИДНЫХ РЕАЛИЯХ

Гагик Арутюнян, Ара Марджанян***

Ключевые слова: духовные и технологические ресурсы, затраты на НИОКР, гибридные войны, союзники.

Не подлежит сомнению, что развитие общества во многом, если не решающим образом обусловлено приобретенными знаниями и умением превращать эти знания в полезные технологии. Наряду с этим конструктивное развитие общества и научно-технологической сферы возможно лишь при наличии соответствующего духовного, культурно-цивилизационного базиса. Примером тому – формирование европейской церковно-университетской системы, предписываемое Карлу Великому, по капитулярию (распоряжению) которого еще в 800г. стали массово создаваться монастырские школы: начинание это уже потом назвали «великой хартией европейской цивилизации». На основе подобных школ в дальнейшем были основаны множество университетов, которые и стали локомотивами европейского духовного и научно-технологического прогресса.

Из той же европейской истории следует, что при деформации духовных ценностей неизбежная трансформация «знаний в силу» зачастую приводит к трагическому финалу как для собственного государства и общества, так и для народов других стран. Конечно, взаимоотношения знаний с религиозно-духовными представлениями далеко не всегда происходили гладко (вспомним хотя бы эпоху инквизиции или же перманент-

* Исполнительный директор НОФ «Нораванк».

** Ведущий аналитик НОФ «Нораванк», к.т.н., национальный эксперт ООН по энергетике.

ные межконфессиональные войны), однако идеологический антагонизм между этими категориями может привести к масштабной трагедии. Такой сценарий имел место, к примеру, в Германии, которая до Второй мировой войны занимала лидирующее положение в научно-технологической сфере¹, однако нацистская идеология довела дело до катастрофы мирового масштаба. Этот случай, кстати, еще раз наглядно демонстрирует, что монопольное доминирование лишь одной идеологии, вне зависимости от ее мировоззренческой направленности, может привести к тяжелым испытаниям как для данной страны, так и для мирового сообщества в целом [1]. Однако очевидно и то, что научно-технологическое, интеллектуальное обнищание общества приводит к духовной деградации, что существенно тормозит, если не делает невозможным, всякое развитие в данном обществе. Можно констатировать, что между интеллектуальными и духовными сферами действует жестко функционирующая обратная связь, и в контексте конструктивного развития общества они выступают как одно целое. Поэтому соблюдение необходимых ресурсных пропорций между этими категориям следует признать важнейшей задачей национальной безопасности.

В свете приведенных выше соображений к современным реалиям следует относиться особо внимательно. После крушения биполярного миропорядка у идеологов «свободного мира» произошло известное «головокружение от успехов»: они существенно прибавили темпы построения в собственных странах «развитого», а по мнению инакомыслящих – «тоталитарного» или «империалистического» либерализма, которое сопровождалось абсолютизацией и вульгаризацией идейных основ этого универсального мировоззрения (заметим, что это занятие *post factum* породило неолибералов с бюрократизированными номенклатурщиками поверженного «соцлагеря»). Более того, эти же идеологи (страны которых в области науки и всевозможных технологий были «впереди планеты всей» и поэтому победили в Холодной войне), стали насаждать уже де-

¹ Наглядным показателем этого может служить хотя бы тот факт, что в Германии в начале 1930-х годов проживали 32 нобелевских лауреата – больше, чем в любой другой стране мира.

формированные идеологические догматы в обществах, цивилизационный код которых далеко не всегда совмещался с внедряемой моделью. При этом применялся весь арсенал превращенных в неконструктивную силу знаний, особенно когда действовали не по старинке – посредством тривиального вооруженного вторжения, – а когда применяли новые технологии типа «цветных революций», которые требовали досконального знания всех характеристик общества, где применялся этот метод. Особо отметим, что в подвергшихся подобному идеологическому вторжению странах порой имелись весьма значительные научно-технологические и образовательные ресурсы, которые или целенаправленно разрушались, или же «мягко реформировались» с тем же конечным результатом¹. Такая политика позволяет провести параллель между этими процессами и печально известным планом «Ост» Третьего рейха, который, в частности, предписывал ликвидацию научно-образовательных структур в оккупированных восточноевропейских странах² [2, 3]. Не удивительно также и то, что ликвидация интеллектуальной базы в странах Большого Ближнего Востока способствовала деформации и радикализации исламских ценностей, и тем самым послужила весомым дополнительным стимулом в деле формирования ИГИЛ.

В идеологическом аспекте проводимую ультралиберальную политику можно было бы сравнить и с коминтерновской. Однако, благодаря пресловутой «мягкой силе», сегодня процесс внедрения в общество идеологических представлений происходит намного жестче, а иногда приводит к массовому истреблению населения в странах, где внедрялись «передовые идеи»³, что сильно напоминает известные деяния Пол Пота в

¹ Согласно китайским стратегам, для завоевания страны наиболее эффективным средством является внедрение там собственной системы образования.

² Багдасарян В., Либералы атакуют образование, <http://rusrand.ru/tv/globalnyy-process/liberaly-atakuyut-obrazovanie>.

³ Арутюнян Г., Мультиполярные реалии, Ближний Восток и геноцид в режиме бегущей строки, http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=12307&spphrase_id=63648. Отметим также, что в этом контексте можно несколько снисходительно относиться к ядерной политике КНДР, которая является своеобразным защитным механизмом от вмешательства других стран, ведь нетрудно представить состояние общества этого далеко не идеального государства после возможной агрессии.

Камбодже. Борьба же с «внутренними идейными врагами» сегодня также ведется более изощренно, нежели в тоталитарных режимах прошлого: «мягкие» технологии информационно-медийного и экономического воздействия позволяют расправляться с оппонентами, не отправляя их – в зависимости от специфики режима – в газовые камеры или под трибунал «тройки» с неизбежным вердиктом «к стенке».

Вместе с тем, как и во все времена, представители духовных и научных сфер находили способы довести свои диссидентские мысли до общественности. И если первые в эсхатологическом жанре апеллировали к евангелистским истинам (в духе того, что скорее следует бояться тех, кто губит души, а не тех, кто убывает тело), то вторые публиковали аргументированные трактаты о пагубности проводимого курса «партии и правительства» (см., например, [4, 5]). Параллельно с инакомыслием в обществах «победившего либерализма», в глобальном пространстве созрел бунт против навязанных догматов, которые приводили не только к потере идентичности, но и сопровождалась политическими диктатом, вырождением социальной сферы и экономики. В итоге идеологический протест приобрел также и геополитическое измерение, и началась вторая, на этот раз мультиполярная, «Холодная война» [6].

В результате этого противостояния доминирующая система получила болезненные удары и несколько сдала свои позиции, уступив место многополярным реалиям. Вместе с тем принявшая «гибридный» характер конфронтация между различными геоидеологическими центрами пока лишь разгорается. Естественно, что в этой борьбе на передний план выходят знания и технологии: не зря американские стратеги полагают, что главным оружием в войнах нового типа будет разум и познавательные способности противостоящих сторон. Сегодня есть все основания полагать, что подобного рода «гибридные войны» в мультиполярной системе принимают перманентный характер. Более того, следуя военно-политической моде, современные «гибридные» отношения устанавливаются и во многих сферах повседневной жизни, потому и вроде бы мирные реалии также приобретает «гибридные» очертания. Это позволя-

ет добавить к известному изречению Джорджа Оруэлла «война – это мир» фразу, что «мир – это война».

Естественно, что в условиях подобного мира и войны приобретает особую важность вопрос союзников, которых, конечно же, желательно выбирать по идейно-цивилизационным критериям. Следует констатировать, что в этом деле наиболее преуспело англосаксонское сообщество. Между тем «славянский мир» в результате воздействия мягких технологий практически полностью разобщен, т.е. при «гибридных» реалиях многое диктуется политической конъюнктурой, и союзники формируются далеко не только по идейным признакам (см., например, [6]). Поэтому и выявление закономерностей и тенденций в этом вопросе представляется весьма актуальной задачей и заслуживает более детального рассмотрения. С этой целью полезно обратиться к общественному мнению различных стран в вопросе формирования союзнических отношений.

В этом контексте большой интерес представляют *результаты глобального опроса, проведенного компанией WIN/Gallup International* в ноябре – декабре 2016г. в рамках ежегодного проекта «Конец года» (*End of the Year*)¹, в ходе которого респондентам в 68 странах мира был задан следующий вопрос: «Какую из 6 стран с наибольшим военным потенциалом – США, Китай, Россия, Францию, Великобританию и Индию – Вы бы предпочли выбрать своим союзником в случае военного вторжения в Вашу страну?»² Результаты этого опроса ранее были проанализированы и обобщены нами в работах [7, 8]. Здесь же остановимся на аспектах, затронутых в указанных исследованиях.

¹ WIN/Gallup International. End of year 2016. Gallup International/Помир. 02.05.2017. http://romir.ru/studies/904_1493672400/.

² Всего было опрошено более 66.5 тысяч человек. В каждой стране опрос проводился по национальной репрезентативной выборке. В России полевые работы проводились исследовательским холдингом *Romir* по городской репрезентативной выборке (1000 респондентов). В Армении – компанией Marketing Professional Group LLC, путем личного опроса городской репрезентативной выборки (1104 респондентов). В среднеазиатских республиках и Грузии опросы не проводились.

Таблица 1

*Первые 8 стран, выбравших в качестве военного союзника США, РФ или Китай соответственно, 2016г., WIN/Gallup Int.
Степень предпочтения респондентов приведена в процентах, очередность стран – по степени убывания предпочтений.*

№	США, всего 44 страны		РФ, всего 22 страны		Китай, всего 22 страны	
	1	Косово	92%	Монголия	71%	Пакистан
2	Юж. Корея	81%	Армения	67%	РФ	44%
3	Папуа-Новая Гвинея	70%	Сербия	56%	Таиланд	29%
4	Израиль	68%	Греция	48%	Афганистан	22%
5	Филиппины	67%	Китай	47%	Нигерия	21%
6	Албания	66%	Болгария	42%	Палестина	17%
7	Вьетнам	66%	Украина	33%	Сербия	16%
8	Япония	64%	Словения	30%	Парагвай	16%

Основываясь на результатах опроса, в Таблице 1 представлены списки первых 8 стран, которые в качестве стратегического союзника выбрали США, РФ и Китай соответственно. Очередность стран приводится по степени убывания предпочтений респондентов, выражаемых в процентах. В таблице указано также общее число стран, где респонденты отдали свои предпочтения той или иной стране. Например, США были выбраны в 44 странах мира, РФ и Китай в 22-х странах (Великобритания – в 21, Франция – 19, Индия – в 7-и странах). «Выбраны» тут означает, что степень предпочтения той или иной страны много выше, чем величина предпочтения, полученная от респондентов для варианта ответа «ни одна из указанных стран», и выше, чем диапазон ошибки результатов опроса (3%). Как следует из Таблицы, из всех 68 стран, где проводился опрос, только в 10-и странах предпочтение той или иной державы носило ярко выраженный характер – со степенью предпочтения более 65%. Стран, оказавших явное предпочтение Франции, Великобритании или Индии, не оказалось.

Характерно, что семь таких стран выбрали США (Косово, Юж. Корея, Папуа Новая Гвинея, Израиль, Филиппины, Албания и Вьетнам), что свидетельствует о высокой степени ориентации и доверия обществ этих стран к США. Общества всего двух стран с таким высоким доверием относятся к России – Монголия и Армения, и лишь общество Пакистана достаточно однозначно выбрало Китай (72% респондентов). Понятно, что подобное предпочтение является результатом длительного индо-пакистанского противостояния, в котором Пакистан стратегически ориентирован на союзничество с Китаем. Подобное союзничество, подтвержденное не только общественным мнением, но и длительным военно-техническим и экономическим сотрудничеством, следует отнести к ряду реального союзничества.

Второй страной, где Китай набрал заметную долю предпочтения, является Россия (44%), причем саму Россию выбрали 47% респондентов в Китае (Китай – пятая страна, выбравшая Россию). Т.е. взаимное притяжение между этими двумя ядерными странами – членами Совета Безопасности ООН – составляет в среднем 46%. Столь существенное взаимное притяжение и является основой формирования второго по значимости глобального геополитического полюса силы (более подробно см. [8]). Таиланд (3-ая страна, 29%)¹ и Афганистан (4-ая страна, 22%) находятся в сфере притяжения Китая в основном по экономическим, военно-техническим и коммуникационным факторам². Этому притяжению дополнительно способствует отсутствие сколь-нибудь значимых (например – территориальных) противоречий между ними. А в случае Афганистана оно усиливается реалиями создания системы сотрудничества между Афганистаном, Китаем, Таджикистаном и Пакистаном, призванного, в частности, противостоять возможной уйгурской угрозе и терроризму.

¹38% респондентов в Таиланде выбрали США (34-ая страна из 44, выбравших США).

²Согласно авторитетной *janes.com*, Китай и Таиланд договорились активизировать оборонно-промышленное сотрудничество еще в 2014г., во время визита премьер-министра Китая Ли Кецяна в Таиланд. В феврале 2017г. в Таиланде были впервые продемонстрированы элементы китайского зенитного ракетного комплекса *KS-1СМ*. А ранее Таиланд официально подтвердил информацию о закупке китайских танков *VT-4*.

Наличие Сербии в списке стран, выбравших Китай (7-ая страна, 17%), объясняется, на наш взгляд, не столько реальными экономическими или военно-техническими факторами, сколько своеобразной солидарностью сербского общества с Россией и поддержкой стратегического блока РФ-Китай в противовес США и НАТО. Таким образом, позицию Сербии по отношению к союзничеству с Китаем обусловлено стратегическим сближением России с Китаем, нежели реальным союзничеством, основанным на цивилизационной общности и духовной близости.

Иначе обстоит дело в случае союзничества Сербии с Россией, за которую высказались 56% сербских респондентов (3-ая, страна выбравшая РФ). Здесь решающую роль, на наш взгляд, играют исторический фактор и фактор общности славянских народов. Наличие в первой восьмерке выбравших Россию стран еще и трех других представителей славянского мира – Болгарии (42%, 6-ая страна), Украины (33%, 7-ая)¹ и Словении (30%, 8-ая)² – лишь подтверждают такую точку зрения. Характерно, что в конце 2016г. Россию предпочли 33% украинских респондентов, несмотря на практически военное противостояние между этими странами³. Т.е. и здесь важное место занимает цивилизационная близость этих двух народов. Хотя мы и не склонны преувеличивать роль «Славянского братства» в контексте известных политических развитий. Например, 49% респондентов в Польше выбрали США (24-ая страна), еще 10% – Великобританию (21-ая страна), а Россия (и остальные державы) получили менее 3%⁴.

Вместе с тем примечательно, что в качестве союзника Россию выбрали как член ОДКБ Армения (67%, 2-ая страна), так и член НАТО Греция (48%, 4-ая страна). На наш взгляд, это является следствием не только общей борьбы этих стран против Османской империи, но и принадлежности к общим византийским ценностям и традициям, которые ныне эти народы стремятся возродить. Наконец, первой страной,

¹ 35% респондентов в Украине выбрали США (38-ая страна), 11% – Великобританию (19-ая страна).

² 8% респондентов в Словении выбрали Великобританию (11-ая страна).

³ Отметим, что 35% украинских респондентов выбрали США. Таким образом, Украина 38-ая страна из 44, выбравших США, и седьмая, выбравшая РФ.

⁴ Добавим, что 32% респондентов в Чехии выбрали США (41-ая страна), 15% – Великобританию (12-ая страна), 6% – Францию (19-ая страна) и только менее 3% – Россию.

выбравшей Россию, является Монголия (71%), а пятой – ядерный Китай (47%), что со всей ясностью подчеркивает азиатско-тихоокеанское измерение второго глобального геополитического полюса силы и обозначает вектор Евразийского интеграционного процесса¹.

Россию предпочли также 23% респондентов в еще одной стране НАТО – в Турции (11-ая страна, выбравшая РФ), тогда как остальные ведущие военные державы мира, включая США, набрали тут менее 3%. Это обстоятельство, на наш взгляд, является следствием не только заметного охлаждения отношения к США после попытки госпереворота в Турции в 2016г. или общего разочарования Европой в связи с недопуском в ЕС. Подобный результат обусловлен не в малой степени и национальным составом населения самой Турции, разновекторной ориентацией различных этнических и криптонациональных групп (армянских, греческих и других) турецкого общества. Этот вывод подтверждается и тем обстоятельством, что опрос *WIN/Gallup Int* в Турции проводился на *основе национальной репрезентативной выборки. Характерно, что 31% респондентов в Турции на поставленный вопрос выбрали вариант ответа «ни одну из указанных 6 ведущих военных держав»*².

Наибольшая степень предпочтения США в качестве союзника по данным опроса отмечена в Косово (92%, 1-ая страна из 44, выбравших США), что не удивительно, т.к. именно США (и НАТО) Косово обязано самим фактом своего существования. США выбрали и 66% респондентов в Албании (6-ая страна, выбравшая США, и мотивация тут тоже обусловлена позицией США по Косово). Весьма высока степень предпочтения США в Юж. Корее (81%, 2-ая страна, выбравшая США) и Японии (64%, 8-ая страна), что, разумеется, является результатом реалий региональной геополитики, исторически сложившихся в регионе АТР после Второй мировой и Корейской войн, общей озабоченностью этих стран восхождением Китая и растущей военной мощью Св. Кореи. Высока степень общест-

¹ Напомним, что в среднеазиатских республиках опрос не проводился. С большой долей уверенности можно предположить, что в противном случае и здесь Россия и Китай заняли бы лидирующее положение.

² Ситуация такая же и в Иране – 30% респондентов тут ответили аналогичным образом.

венной поддержки союзнических отношений с США и в Израиле, где 68% респондентов выбрали США (4-ая страна). О прагматичности респондентов этой страны говорит то, что в преддверии празднования 100-летия декларации лорда Бальфура о необходимости «создания в Палестине национального очага для еврейского народа» за Великобританию здесь высказались менее 3% респондентов. В этом контексте обращает на себя также и следующее обстоятельство.

Среди первых 8 стран, выбравших США нет, ни одной страны «Англосаксонского мира»¹. Наоборот, тут присутствуют две страны-нормализатора² группы «Мира иероглифов» – Юж. Корея и Япония, и еще две страны, примыкающие к этому миру, – Филиппины и Вьетнам. И это несмотря на то, что обществу и Вьетнама, и Японии есть что припомнить США. Такое состояние дел свидетельствует, на наш взгляд, об эффективном механизме, выработанном в США и направленном на преодоление исторических обид, комплексному принуждению к союзничеству с собой, и нацеленном в первую очередь на страны-нормализаторы иных миров – «Мира иероглифов», «Мира полумесяца», «Славянского мира» и «Континентальной Европы» (более подробно см. [10]). Характерно, что во время своего большого турне в Тихоокеанскую Азию в ноябре с.г. президент США Д.Трамп посетил Японию, Юж.Корею, Вьетнам и Филиппины. А ранее (в мае 2017г.) он посетил и Израиль. И объясняется это не только общей озабоченностью вопросом наращивания ракетно-ядерного потенциала Св. Кореи или перипетиями арабо-израильского урегулирования. Думается, на более фундаментальном уровне этот маршрут продиктован задачей укрепления глобальных союзнических отношений. Ведь указанные страны составляют более половины первых 8 стран, выбравших США в качестве стратегического союзника.

Как уже отмечалось, среди первых 8 стран, выбравших США, нет ни одной страны «Англосаксонского мира»: Канада – на 9-ом, Великобритания – на 11-ом, Австралия – на 23-ем месте. Примечательно также, что и

¹ Великобритания, Австралия, Канада, Новая Зеландия [10].

² Напомним, что страной-нормализатором данной группы стран, мы называем страну(ы) с наибольшим потенциалом НИиОКР в данной группе. Более подробно см. [10].

в списке первых 8 стран, выбравших Китай, нет ни одной страны «Мира иероглифов». Зато они присутствуют в списке стран, выбравших США, причем на довольно высоких позициях (см. Таблицу). А вот среди первых 8 стран, выбравших Россию, присутствуют некоторые страны «Славянского мира», но респонденты в странах-нормализаторах этой группы – Чехии и Словении (см. [7]) – все же отдали свои предпочтения США. На наш взгляд, это подтверждает сделанное нами ранее [7, 8] заключение о том, что единственной конфигурацией стран, способной конкурировать с консолидированным «Англосаксонским миром», может быть «Континентальный блок» стран, включающий в себя РФ, Китай, Германию и Иран.

Ноябрь, 2017г.

Источники и литература

1. *Арутюнян, Г.А.*, Критические инфраструктуры и идеология, «21-й ВЕК» // #2, с. 5, 2017.
2. *Арутюнян Г.А.*, Информационные и деиндустриализованные общества //, «21-й ВЕК», #4 (41), с. 5, 2016.
3. Информационная безопасность, (под редакцией *Арутюняна Г.А.*). – Ереван: Нораванк, 2017. – 316 с. (на арм.яз.).
4. *Крауч К.*, Постдемократия. – М.: Изд. дом Гос.ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
5. *Adrian Pabst*, A post-liberal World? Constructive alternatives to liberal globalization amid the threat of neo-fascism. *Special report*, DOC Research Institute, 2017.
6. *Тер-Арутюнянц Г.А.*, Многополярная и ассиметричная Холодная война // Вестник Академии военных наук, М., #4(21), с. 23. 2007.
7. *Марджанян А.А., Арутюнян Г.А.*, Союзники на фоне научно-технологического пейзажа. Материалы Третьей международной конференции «Экспорт демократии» и сетевые технологии. Фонд исторической перспективы/РГГУ. Москва, 18 мая, 2017.
8. *Марджанян А.А.*, Научно-информационная политика и гибридные войны. См. настоящий номер журнала.
9. Four NATO Nations Would Pick Russia to Defend Them If Threatened: Poll. Bloomberg News, February 17, 2017. <https://www.bloomberg.com/politics/articles/2017-02-17/melania-trump-s-slovenia-would-pick-russian-over-u-s-protection>
10. *Арутюнян Г.А., Марджанян А.А.*, Научный ландшафт в полицентричном мире // «21-й ВЕК», #1(42), 2017. http://www.noravank.am/upload/pdf/21VEK_01_2017.pdf.

**ՀՈԳԵՎՈՐ ԵՎ ՏԵԽՆՈԼՈԳԻԱԿԱՆ ՌԵՍՈՒՐՍՆԵՐԸ
ԵՎ ԴԱՇՆԱԿՑԱՅԻՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԽՆԴԻՐՆԵՐԸ
ՀԻՔՐԻԴԱՅԻՆ ԻՐՈՂՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ**

Գազիկ Հարությունյան, Արա Մարջանյան

Ամփոփագիր

Հոդվածում ցույց է տրված, որ հասարակությունների կառուցողական զարգացումը հնարավոր է միայն մշակութա-քաղաքակրթական և գիտելիքային ռեսուրսների միջև դրական հակադարձ կապի առկայության պարագայում, և այս նախապայմանը առավել կարևորվում է ներկայիս գլոբալ ու բազմաբևեռ հիբրիդային հակամարտությունների պարագայում: Ստեղծված իրողությունը իր հերթին ակտուալացնում է տարբեր երկրներում դաշնակիցների ընտրության խնդիրը: Այդ վերջինի համատեքստում վերլուծվել է 2016թ. *WIN/Gallup Int.*-ի կողմից իրականացված ծավալուն հարցումը, որի նպատակն էր պարզել աշխարհի 68 երկրների հասարակությունների նախապատվությունները ռազմական դաշնակից ընտրելու խնդրում: Կատարված վերլուծության արդյունքում վերհանվել են որոշ երկրների հասարակությունների քաղաքակրթական – մշակութային և քաղաքական-տնտեսական բնույթի այն դրապատճառները և պատկերացումները, համաձայն որոնց նրանք որպես ռազմական դաշնակից նախընտրել են, մասնավորապես, ՌԴ-ն, ԱՄՆ-ը կամ Չինաստանը:

**ДУХОВНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ВОПРОСЫ
СОЮЗНИЧЕСТВА В ГИБРИДНЫХ РЕАЛИЯХ**

Գաիկ Արտյոնյան, Արա Մարջանյան

Резюме

В статье показано, что конструктивное развитие обществ возможно только при наличии обратной положительной связи между культурно-цивилизационными и знаниевыми ресурсами, и это условие особенно важно в контексте современных глобальных и мультиполярных гибридных конфликтов. Создавшееся положение в свою очередь актуализирует в разных странах задачу выбора своих союзников. В этом контексте проанализирован масштабный опрос, проведенный *WIN/Gallup Int.* в 2016г., призванный уточнить предпочтения обществ 68 стран относительно выбора стратегического союзника. В результате анализа были выявлены те цивилизационно-культурные и политико-экономические причины и представления обществ рассматриваемых стран, которые предопределили выбор в качестве стратегического союзника, в частности, РФ, США или Китай.

**SPIRITUAL AND TECHNOLOGICAL RESOURCES
AND ISSUES OF ALLIANCE MAKING IN HYBRID REALITIES**

Gagik Harutyunyan, Ara Marjanyan

Resume

The article shows that the constructive development of societies is possible only if there is a positive interconnection between the cultural/civilizational and knowledge resources. This precondition is especially important in the current conditions of global and multi-polar hybrid confrontations. This reality, in turn, makes the issue of choosing alliances among different countries an exceptionally relevant matter. In this context, the article analyzes the results of a large-scale survey conducted by WIN/Gallup Int. in 2016 in 68 countries of the world to find out public preferences in selecting military allies. As a result of the analysis, the politico-cultural and politico-economic motives and perceptions have been uncovered, prompted by which the societies in some countries choose military allies, particularly when such choice falls on Russia, USA or China.